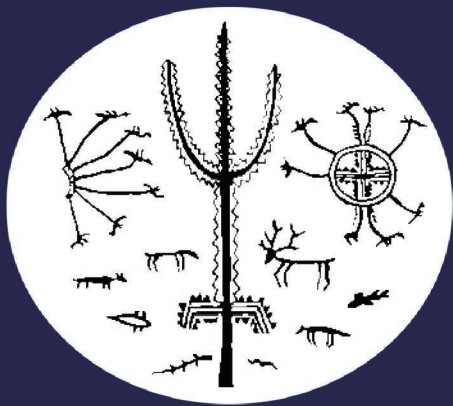

ISSN 2500-2902
URAL-ALTAIC STUDIES
УРАЛО-АЛТАЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

№ 3 (38) 2020

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН

МОСКВА

Ural-Altaic Studies
Урало-алтайские исследования

ISSN 2500-2902
ISBN 978-1-4632-0168-5

Ural-Altaic Studies

Scientific Journal

№ 3 (38) 2020

Established in 2009
Published four times a year

Moscow

© Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 2020
© Tomsk State University, 2020

ISSN 2500-2902
ISBN 978-1-4632-0168-5

Урало-алтайские исследования

научный журнал

№ 3 (38) 2020

Основан в 2009 г.
Выходит четыре раза в год

Москва

© Институт языкознания Российской академии наук, 2020
© Томский государственный университет, 2020

CONTENTS

No 3 (38) 2020

Vlada V. Baranova. Adaptation of verbal borrowings in Mongolic	7
Maria P. Bezenova. The peculiarities of the translation of "God's law" (1912) into Udmurt: verbal morphology	19
V. V. Vorobeva, I. V. Novitskaya. Inflectional morphology of nouns in Eastern Khanty (Vakh, Vasyugan, Surgut, Salym)	33
Julia V. Normanskaja. Dictionaries of Perm Mansi "Native speakers of Siberia", collected by P. S. Pallas in the 18 th century	71
Peter Sauli Piispanen. Some new Late Proto-Yukaghir reconstructions with added thoughts and considerations on various etymologies	81
Natalia M. Stoyanova. Different loanword integration strategies in similar morphological systems: Russian nouns in Nanai and Ulch	92
Firdaus G. Khisamitdinova, Zarema N. Ekba. Names of local spirits in Bashkir mythology	111

DISCUSSION

Natalia V. Saynakova, Sergei V. Kovylin. Materials on toponymy of the Ket Ob region as a basis for identification of the settlement border of the <i>šöšqum / šöšqup</i> dialect local group and confirmation of the intermediate position of the Middle Ob (sheshkum / sheshkup) dialect of the Selkup language	130
Julia V. Normanskaja. Discussion note on the article by N. V. Saynakova and S. V. Kovylin "Materials on toponymy of the Ket Ob region as a basis for identification of the settlement border of the <i>šöšqum / šöšqup</i> dialect local group and confirmation of the intermediate position of the Middle Ob (sheshkum / sheshkup) dialect of the Selkup language"	152
Style sheet	157

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 3 (38) 2020

В. В. Баранова. Адаптация глагольных заимствований в монгольских языках	7
М. П. Безенова. К особенностям перевода «Закона Божия» (1912 г.) на удмуртский язык: глагольная морфология	19
В. В. Воробьева, И. В. Новицкая. Морфология имени существительного в восточнохантыйском (ваховский, васюганский, сургутский, салымский)	33
Ю. В. Норманская. Словари пермских манси «аборигенов Сибири», собранные П. С. Палласом в XVIII веке	71
П. С. Пииспанен. Новые позднепраюкагирские реконструкции и добавления к различным этимологиям	81
Н. М. Стойнова. Разные стратегии адаптации заимствований в похожих морфологических системах: русские существительные в нанайском и ульчском языках	92
Ф. Г. Хисамитдинова, З. Н. Экба. Наименования духов-хозяев в башкирской мифологии	111

ДИСКУССИЯ

Н. В. Сайнакова, С. В. Ковылин. Материалы по топонимике Кетского Приобья как основа для выявления границ расселения диалектно-локальной группы <i>šöšqum / šöšqur</i> и подтверждения промежуточного статуса среднеобского (шёшкумского / шёшкупского) диалекта селькупского языка	130
Ю. В. Норманская. Дискуссионная заметка к статье Н. В. Сайнаковой и С. В. Ковылина «Материалы по топонимике Кетского Приобья как основа для выявления границ расселения диалектно-локальной группы <i>šöšqum / šöšqur</i> и подтверждения промежуточного статуса среднеобского (шёшкумского / шёшкупского) диалекта селькупского языка»	152
Требования к оформлению статей	157

Главный редактор
А. В. Дыбо
(д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН)

Заместитель главного редактора
Ю. В. Норманская
(д.ф.н., Институт языкознания РАН)

Редакционная коллегия

В. Ю. Гусев (к.ф.н., Институт языкознания РАН), П. П. Дамбуева (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), Е. В. Кашкин (к.ф.н., Институт русского языка РАН), О. А. Мудрак (д.ф.н., проф., Российский государственный гуманитарный университет), С. А. Мызников (д.ф.н., проф., Институт лингвистических исследований РАН), И. Николаева (PhD, Школа восточных и африканских исследований, Великобритания), Ф. Ш. Нуриева (д.ф.н., проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет), Г. Ц. Пюрбеев (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), М. Роббеетс (PhD, Лейденский университет, Нидерланды), И. Я. Селютина (д.ф.н., проф., Институт филологии СО РАН), Р. А. Тадинова (д.ф.н., доц., Институт языкознания РАН), З. Н. Экба (к.ф.н., Институт языкознания РАН), А. Б. Шлуинский (к.ф.н., Институт языкознания РАН)

Редакционный совет

В. М. Алпатов (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН), А. Е. Аникин (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт филологии СО РАН), Р. Г. Ахметьянов (д.ф.н., проф., Бирский государственный педагогический институт), М. Бакро-Надь (проф., Университет Сегеда, Венгрия), В. Блажек (проф., Масариков университет, Чехия), Т. М. Гарипов (д.ф.н., чл.-корр. НАН РБ, Башкирский государственный педагогический институт им. М. Акмуллы), Н. И. Егоров (д.ф.н., проф., Чувашский государственный институт гуманитарных наук), И. В. Кормушин (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), И. Л. Кызласов (д.и.н., проф., Институт археологии РАН), Й. Лааксо (проф., Венский университет, Австрия), К. М. Мусаев (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН), И. А. Невская (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия), Т. Ризе (проф., Венский университет, Австрия), Е. К. Скрибник (проф., Мюнхенский университет, Германия), П. А. Слепцов (д.ф.н., проф., акад. НАН РСЯ, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН), М. Стаховски (проф., Краковский университет, Польша), Ф. Г. Хисамитдинова (д.ф.н., проф., Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН), Л. Хонти (проф., Будапештский университет, Венгрия), Н. Н. Ширококова (д.ф.н., проф., Институт филологии СО РАН), К. Шониг (проф., Берлинский университет им. Гумбольдта, Германия), М. Эрдал (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия)

Editor-in-Chief
Anna Dybo
(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Deputy Editor-in-Chief
Yulia Normanskaya
(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Editorial Board

Polina Dambueva (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Zarema Ekba (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Valentin Gusev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Egor Kashkin (Institute of the Russian language, Russian Academy of Sciences), Oleg Mudrak (Russian State University for the Humanities), Sergey Myznikov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences), Irina Nikolaeva (School of Oriental and African Studies, Great Britain), Fanuza Nurieva (Kazan (Volga region) Federal University), Grigoriy Pyurbeev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Martine Robbeets (Leiden University, Center for Linguistics, Institute for Area Studies, the Netherlands), Irina Selyutina (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Andrey Shluinski (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Roza Tadinova (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Advisory Board

Rinat Ahmet'yanov (Birk State Pedagogical Institute), Vladimir Alpatov (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Alexandr Anikin (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marianne Bakró-Nagy (University of Szeged, Hungary), Václav Blažek (Masaryk University, Czech Republic), Nikolay Egorov (Chuvash State Institute for the Humanities), Marcel Erdal (Goethe University Frankfurt, Germany), Talmas Garipov (M. Akhulla Bashkir State Pedagogical University), Firdaus Hisamitdinova (Institute of History, Language and Literature, Ufa Scientific Centre of Russian Academy of Sciences), László Honti (University of Budapest, Hungary), Igor Kormushin (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Igor Kyzlasov (Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences), Johanna Laakso (University of Vienna, Austria), Kenesbay Musaev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Irina Nevskaya (Goethe University Frankfurt, Germany), Timothy Riese (University of Vienna, Austria), Klaus Schönig (Humboldt University of Berlin, Germany), Natalia Shirobokova (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Elena Skribnik (University of Munich, Germany), Piotr Slepšov (Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marek Stachowski (Krakow University, Poland)

Разные стратегии адаптации заимствований в похожих морфологических системах: русские существительные в нанайском и ульчском языках

Стойнова Наталья Марковна, Институт русского языка РАН, Институт языкознания РАН (Москва); stoynova@yandex.ru

В статье рассмотрен вопрос о том, как словоизменительная система языка-реципиента влияет на стратегию адаптации лексических заимствований и, с другой стороны, какую роль могут играть лексические заимствования в его словоизменительной системе. Обсуждаются стратегии морфологической адаптации русских существительных в двух южно-тунгусских языках: нанайском и ульчском. Несмотря на близость этих двух языков и, в частности, большое сходство их словоизменительных систем, русские существительные ведут себя в них очень по-разному. Более того, в ульчском языке они на первый взгляд даже образуют особый, промежуточный, словоизменительный тип.

И в нанайском, и в ульчском языках основы делятся на два словоизменительных типа: основы на гласный принимают один набор словоизменительных показателей, основы на согласный — другой. При этом набор возможных исходов на согласный очень ограничен. Основная сложность при адаптации русских существительных состоит в том, что многие из них оканчиваются на такие согласные, которые нехарактерны для нанайского и ульчского. Это противоречие снимается в нанайском и ульчском языках по-разному. Интересно, что ни в том, ни в другом языках такие существительные не включаются в класс исконных основ на согласный. В нанайском языке к таким существительным добавляется эпентетический гласный и они встраиваются в словоизменительный класс существительных с основой на гласный (*класс-а-ва* ‘класс-STEM-ACC.V’). В ульчском языке они принимают показатели, характерные для основ на гласный, несмотря на то что оканчиваются на согласный (*класс-ва* ‘класс-ACC.V’). Тем самым, о таких словах можно говорить как об особом небольшом подклассе основ с нестандартным морфологическим поведением.

Если более внимательно посмотреть на вариативность в ульчском именном словоизменении, а также на некоторые поверхностно-фонетические явления, ульчская стратегия адаптации заимствований и ее отличия от нанайской кажутся вполне закономерными. Ульчская система именного словоизменения оказывается менее жесткой, чем нанайская, отсюда разница в поведении русских существительных. С другой стороны, наличие в ульчской системе русских заимствований, ведущих себя особым образом, можно считать дополнительным фактором, расшатывающим нестабильную словоизменительную систему.

Ключевые слова: языковые контакты, лексические заимствования, переключение кодов, морфологическая адаптация заимствований, именное словоизменение, тунгусо-маньчжурские языки, нанайский язык, ульчский язык, русский язык

DIFFERENT LOANWORD INTEGRATION STRATEGIES IN SIMILAR MORPHOLOGICAL SYSTEMS: RUSSIAN NOUNS IN NANAI AND ULCH

Natalia M. Stoynova, Russian Language Institute, RAS, Institute of Linguistics, RAS (Moscow); stoynova@yandex.ru

In this paper I show how the inflectional system of the recipient language can influence the strategy of morphological integration of loanwords, and how loanwords themselves can affect the inflectional system. I discuss the morphological integration of Russian nouns in two Southern Tungusic languages: Nanai and Ulch. These languages are very close to each other and have very similar inflectional systems. At the same time, they treat Russian nouns in rather different ways. In Ulch, Russian nouns appear to form a separate inflectional sub-class.

Both in Nanai and in Ulch, there are two inflectional classes. Stems ending in vowels take one set of inflectional affixes, while stems ending in consonants take another set of inflectional affixes. The range of stem-final consonants is very restricted. The main problem in loanword accommodation is that many Russian nouns have final consonants non-typical of the Nanai and Ulch inflectional systems. This problem is solved in Nanai and Ulch in different ways. Neither in Nanai, nor in Ulch such Russian consonant-final stems are included in the class of native consonant-final stems. In Nanai, they take an epenthetic vowel and behave as standard vowel-final stems (*klass-a-wa* ‘class-STEM-ACC.V’). In Ulch, they also take inflectional affixes typical of vowel-final stems, but still end in consonants (*klass-wa* ‘class-ACC.V’). Therefore, such nouns can be analyzed as forming a separate minor exceptional stem class.

A closer look at morphological variation and some surface-level phonetic features attested in the Ulch inflectional system allows us to explain the unexpected strategy of loanword accommodation in Ulch and its differences with that of Nanai. Actually the behavior of Russian loanwords goes in line with the native inflectional system. The crucial factor is that in Ulch the distribution of native nouns by inflection classes is less strict and more complicated than in Nanai. Russian loanwords, which are inflected in Ulch in a non-standard way, in their turn, might influence the native Ulch system of nominal inflection, increasing its instability.

Keywords: language contact, loanwords, code-switching, morphological integration of loanwords, nominal inflection, Tungusic languages, Nanai, Ulch, Russian

Работа подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 17-18-01649.

1. Введение

В работе на материале текстовых коллекций на двух близкородственных тунгусо-маньчжурских языках, нанайском и ульчском, будут рассмотрены случаи, когда русское существительное оформляется словоизменительными аффиксами соответствующего языка.

В нанайском и ульчском языках представлены два именных словоизменительных типа — для основ на гласный и для основ на согласный. При этом согласных, на которые может оканчиваться основа, очень мало. Русские существительные, наоборот, могут оканчиваться на разные согласные без ограничений. Это противоречие в нанайском и в ульчском языках разрешается по-разному. Для нанайского оказывается принципиально, оканчивается ли русское существительное на согласный, характерный для нанайского: тогда оно ведет себя как нанайское существительное на согласный, или на другой согласный: тогда оно получает эпентетический гласный и ведет себя как нанайское существительное на гласный. В ульчском языке, независимо от типа конечного согласного, русские существительные склонны вести себя особым образом: не получая эпентетического гласного, т. е. формально не попадая в класс основ на гласный, русские основы, тем не менее, присоединяют алломорфы, характерные для гласного типа. Так, в примере (1) существительное *класс* в аккумулятиве получает эпентетический гласный в нанайском (1a), но не в ульчском (1b), однако в обоих примерах присоединяет аккумулятивный суффикс гласного типа *-wa*. В примере (2) существительное *стакан* в нанайском получает аккумулятивный суффикс согласного типа *-ba* (2a), а существительное *карман* в ульчском — аккумулятивный суффикс гласного типа *-wa* (2b).

- (1) a. *elan класс-a-wa selān xože-xam-bi bi-či-ni*
 три класс-STEM-ACC.V с.трудом заканчивать-PST-1SG.C быть-PST-3SG
 ‘Я три класса еле закончила’. (нанайский, fna_120808_ns_Detstvo)
- b. *žua ŋtɕi класс-wa xodj-xam*
 десять один класс-ACC.V заканчивать-PST.1SG
 ‘{В семьдесят втором году} я закончил одиннадцатый класс {вечерней школы}’. (ульчский, agk_20190711_nst_BioDetstvoAori)¹
- (2) a. *стакан-m-ba žapa-ra, muə-wə taosi nā-xə-ni*
 стакан-STEM-ACC.C брать-CVB.NSIM вода-ACC.V туда класть-PST-3SG
 ‘Взяв стакан, воды туда налила’. (нанайский, sds_110811_ns_utoplennik)
- b. *поэтому čupal čas-ɕ, карман-wa, xaj-wa=dəxum*
 поэтому всё резать-IMPS карман-ACC.V что-ACC.V=INDEF
 ‘Поэтому всё надрезают, карманы и всякое такое’. (ульчский, oab_20180723_nst_EthnoPoxoronnyje-Obrijady)

Нанайская и ульчская словоизменительные системы очень близки и обнаруживают лишь незначительные различия. Интересно, можно ли объяснить этими различиями наблюдаемую разницу в стратегиях адаптации русских существительных.

Вопрос о том, как и в какой мере структурные характеристики языка-донора и языка-реципиента влияют на стратегию адаптации заимствований и саму возможность заимствования, поднимается в литературе о заимствованиях и языковых контактах, начиная с классических работ [Haugen 1950: 217—218; Weinreich 1953/1979: 44—46]. Например, в книге [Field 2002] формулируются общие «принципы (не)совместимости систем» [Field 2002: 40—43]. Ф. Филд рассматривает ситуации контакта между языками разных структурных типов (флективными, агглютинативными, изолирующими в разных комбинациях) и предсказывает, может ли морфема того или иного типа (корень, автономная словоформа, агглютинативный или флективный аффикс) быть заимствована в зависимости от того, какого типа морфемы

¹ Все примеры, если не оговаривается обратное, взяты из полевой коллекции устных текстов на нанайском и ульчском языках, о которой см. в разделе 2. Система записи для нанайского в общих чертах соответствует кириллической записи, принятой в [Аврорин 1959; 1961], для ульчского — принятой в [Суник 1985]. Все русские фрагменты, независимо от их статуса, для удобства восприятия записываются кириллицей в стандартной русской орфографии и выделяются прямым шрифтом (в примерах, которые даны в основном тексте, вместо прямого шрифта используется подчеркивание). Неоднословные русские вставки не глоссируются, однословные глоссируются. После примера в скобках дается указание на источник: язык и код текста (включающий код информанта, код записавшего лингвиста, дату записи и условное название).

имеются в языке-реципиенте. В типологической работе Я. Вольгемута о глагольных заимствованиях одна из глав посвящена поиску корреляций между стратегией адаптации иноязычного глагола (прямая вставка глагольной основы, оформление ее вербализатором, конструкция со вспомогательным глаголом) и самыми разными типологическими параметрами языка-донора и языка-реципиента из списка [WALS 2005] (морфологическими, фонетическими, синтаксическими) [Wohlgemuth 2009: 188—205]. Не обнаруживается корреляций с характеристиками языка-донора и обнаруживается несколько прямых и опосредованных корреляций с характеристиками языка-реципиента.

В этой статье сходная проблематика будет детально рассмотрена на микроуровне. Перед нами две ситуации, которые удобно сопоставить: разные стратегии адаптации заимствований и при этом похожее социолингвистическое положение (начавшийся языковой сдвиг), один и тот же язык-донор (русский), генетически очень близкие языки-реципиенты с мельчайшими различиями в словоизменительной системе (нанайский и ульчский). Тем не менее, как будет показано ниже, наблюдаемые различия в адаптации русских существительных удастся объяснить этими небольшими различиями. Возможно, дополнительным фактором является социолингвистический — степень языкового сдвига. Также будет показано, что в данном случае можно говорить не только о влиянии словоизменительной системы на адаптацию русских заимствований, но и об обратном процессе: о влиянии интенсивных русских заимствований на словоизменительную систему (применительно к ульчскому языку).

В статье приняты следующие методологические и терминологические конвенции. Для такого типа исследования важно, какие русские вставки включать, а какие не включать в рассмотрение. В случае однословных иноязычных вставок в каждом конкретном случае не всегда удастся на практике провести границу между устойчивыми заимствованиями, окказиональными заимствованиями и переключением кодов. Более того, и в общем случае в разных работах она проводится по-разному в зависимости от теоретических установок автора. Принимаются во внимание такие содержательные и операциональные критерии, как частотность, степень фонетической адаптации, значение, фиксация в словарях соответствующего языка, возможность употребления монолингами, рефлексия носителей и др. (см. обзор основных критериев, например, в [Haspelmath 2009: 40—42]). Радикальный подход принят в теории К. Майерс-Скоттон, которая относит максимально широкий круг явлений к переключению кодов, в частности признает возможность внутрисловного переключения, и считает, что между переключением кодов и заимствованием нет резкой границы и за ними стоит один и тот же содержательный механизм. В качестве чисто операционального условного критерия разграничения она использует только частотность [Myers-Scotton 1992; 1993: 163—228; 2002: 153—160]. Противоположный подход развивает Ш. Поплак, в работах которой используется понятие *nonce-borrowings* — окказиональных заимствований (см. [Poplack et al. 1988; Sankoff et al. 1990; Poplack 2012] и др.). Исследования Ш. Поплак и ее соавторов свидетельствуют против гипотезы о том, что степень фонетической и морфосинтаксической интеграции иноязычной лексемы коррелирует с ее частотностью, т. е. против гипотезы о континууме между переключением кодов и устойчивым заимствованием. Их результаты говорят о том, что по морфосинтаксическому поведению окказиональные заимствования не отличаются от устойчивых (частотных). С другой стороны, поведение окказиональных заимствований (как и устойчивых) резко отличается от поведения словоформ при неоднословном переключении кодов [Poplack 2018: 122—158]. Что касается степени фонетической интеграции, то она, по данным Ш. Поплак, вообще не коррелирует со статусом лексемы (переключение кодов, окказиональное или устойчивое заимствование) и не может считаться критерием для разграничения [Poplack et al., в печати]. В этой статье я не пытаюсь проводить каких бы то ни было априорных границ и включаю в рассмотрение на равных основаниях все случаи, когда русское существительное было оформлено тунгусскими аффиксами (см. подробнее раздел 2). Термин «заимствование» применяется в статье расширительно ко всем этим случаям (однако, учитывая описанную выше теоретическую дискуссию, я стараюсь по возможности его избегать).

Применительно к русскому языку в работе используется термин «язык-донор», применительно к нанайскому и ульчскому — «язык-реципиент». Термины «адаптация» и «интеграция» употребляются как синонимы для обозначения того, насколько слово фонетически, морфологически или синтаксически встроено в систему языка-реципиента. Ср. [Haspelmath 2009: 43], где предлагается использовать в этом значении термин «адаптация», а термин «интеграция» зарезервировать для указания на то, признается ли слово частью системы языка-реципиента.

Работа имеет следующую структуру. В разделе 2 описан материал исследования. В разделе 3 приведены необходимые сведения о нанайской и ульчской системах именного словоизменения. В разделе 4 подробно описываются стратегии адаптации русских существительных разных типов. Наконец, в заключительном разделе 5 рассмотренные данные обобщаются и обсуждаются в более широком контексте.

2. Материал исследования

Близкородственные нанайский и ульчский языки распространены на Дальнем Востоке России и находятся в интенсивном контакте с русским языком, оба в разной степени под угрозой исчезновения. На нанайском языке говорят в Хабаровском крае (в меньшей степени в Приморском крае), по данным переписи 2010 г. насчитывается 1347 носителей среднего и старшего поколения, 11% от этнической группы, все или почти все владеют также русским языком, см. о текущей социолингвистической ситуации [Герасимова 2002; Калинина, Оскольская 2016]. Язык достаточно хорошо описан, см. подробную грамматику [Аврорин 1959; 1961]. Нанайский язык представлен несколькими разновидностями, в этой статье обсуждаются данные амурских говоров.

Носители ульчского языка компактно проживают в Ульчском районе Хабаровского края. По данным переписи 2010 г., осталось 154 носителя старшего поколения, что составляет 6% от этнической группы, см. о текущей социолингвистической ситуации [Герасимова 2002; Сумбатова, Гусев 2016]. Ульчская грамматика описана в меньшей степени, чем нанайская, см. очерки [Петрова 1936] и [Суник 1985]. Языки очень близки, по крайней мере некоторые говоры нанайского взаимопонятны с ульчским.

Исследование проведено на материале коллекций текстов на нанайском (амурские говоры) и ульчском языке, собранных в ходе экспедиций по документации соответствующих языков в 2010-х гг. в селах Хабаровского края². Коллекции состоят из коротких спонтанных устных рассказов по заданию лингвиста «рассказать что-нибудь на своем языке». По жанру это преимущественно биографические и фольклорные нарративы и этнографические описания. Объем проанализированной ульчской коллекции — 47 509 словоупотреблений (ок. 14 часов записей, 20 носителей), объем нанайской коллекции — 47 411 (ок. 11 часов записей, 36 носителей)³.

Из обеих коллекций были извлечены все употребления русских существительных, оформленных тунгусскими аффиксами. Все русские существительные с тунгусскими аффиксами были включены в выборку на равных основаниях, независимо от их частотности, значения, степени фонетической адаптации, мнения носителей, наличия в словарях соответствующего языка и под. (см. обсуждение возможных подходов к разграничению в разделе 1). Исключение составили несколько старых устойчивых заимствований, русское происхождение которых не осознается самими носителями и требует специального лингвистического доказательства: ср. ульч. *kəskə* ‘кошка’, *lapka* ‘магазин (русс. *лавка*)’, *gumaska* ‘рубль (русс. *бумажка*)’. Такие слова в выборку не вошли. Русские имена собственные (имена людей, географические названия) попали в выборку. Русские существительные, оформленные тунгусскими показателями с полуавтономным морфологическим статусом (энклитики и постфиксы), в выборку не попали. Исключение составили существительные с ульчским лативным показателем *=bAn*⁴ (см. раздел 4.1). Таким образом, анализируемая выборка составила 566 употреблений для ульчского и 458 употреблений для нанайского языка. О лексическом и морфологическом разнообразии выборки дает представление сводная таблица 1.

Таблица 1. Русские существительные в нанайских и ульчских текстах: общий состав выборки

морфологический тип: исход формы номинатива	нанайская выборка		ульчская выборка	
	словоупотреблений	лексем	словоупотреблений	лексем
на гласный	214	116	308	140
на -j	13	5	13	8
на -n	44	17	30	19
на -l и -r	41	19	7	6
на другие согласные	146	78	208	81
всего	458	235	566	254

² Коллекции собраны и расшифрованы в 2011—2019 гг. С. А. Оскольской, А. С. Сметиной и автором.

³ В рассмотрение, таким образом, не вошел материал письменных текстов, в частности учебных пособий по родному языку, очень богатых заимствованиями из русского. В этих текстах (предполагающих значительно большую унификацию и нормализацию, чем спонтанные устные нарративы) правила адаптации русских существительных могут заметно отличаться от формулируемых ниже по данным устных текстов.

⁴ Здесь и далее заглавными буквами обозначены контексты, в которых гласный выбирается в зависимости от гласных основы в соответствии с правилами сингармонизма.

Деление существительных на морфологические типы обусловлено задачами исследования и будет пояснено ниже в разделе 4. Выборки невелики и недостаточно сбалансированы для того, чтобы во всех случаях давать описываемым стратегиям адаптации существительных строгие количественные характеристики, однако, как будет показано ниже, вполне позволяют дать им подробную качественную характеристику.

3. Именное словоизменение в нанайском и ульчском языке

В этом разделе описана система словоизменения существительных в нанайском и ульчском языках. В разделе 3.1 кратко представлены общие сведения, необходимые для дальнейшего обсуждения адаптации русских существительных. В разделе 3.2 я сосредоточусь на тонких различиях между нанайской и ульчской системами, которые, как я попробую показать ниже (раздел 5), предопределяют различия в поведении русских заимствований.

3.1. Общие сведения о словоизменении существительных

Система существительных в нанайском и ульчском языках практически одинакова. К корню может прибавляться несколько деривационных суффиксов разной степени продуктивности, затем суффикс множественного числа (единственное не маркировано), затем показатель падежа и, наконец, показатель лица-числа обладателя, если слово употреблено в посессивном контексте (3а, 3б). В нанайском языке в некоторых формах посессивный показатель предшествует падежному (3с), в некоторых других между падежным и посессивным показателем вставляется дополнительная морфема, которую можно описывать как показатель косвенного падежа (3д), см. [Аврорин 1959: 171—176; Оскольская 2015].

(3) root-DER-NUMBER-CASE-POSS

a. <i>bəgʒi-kə-səl-bə-pu</i>
нога-DIM-PL-ACC.C-1PL	b. <i>bəgʒi-kə-səl-du-pu</i> (ульчский)
нога-DIM-PL-DAT-1PL
c. <i>bəgʒi-kən-səl-pu-wə</i>
нога-DIM-PL-1PL-ACC.V
'наши лапки (ACC)'	d. <i>bəgʒi-kən-səl-du-ə-pu</i> (нанайский)
нога-DIM-PL-DAT-OBL-1PL
'на наших лапках'

Общий для нанайского и ульчского языков инвентарь падежей включает немаркированный номинатив, аккузатив, датив-эссив, инструменталис, латив, локатив и дестинатив (используемый только в посессивной парадигме). В нанайском языке также есть специальный показатель элатива (в ульчском совпадает с инструменталисом), в ульчском — специальный показатель пролатива (в нанайском в этом контексте используется локатив). В ульчском языке статус, близкий к статусу падежного аффикса, имеет также энклитика *=bAn* с лативным значением (в нанайском ей соответствует автономный послелог *bāroa-(ni)* 'к-(3SG)'). В обоих языках по восемь посессивных аффиксов: 1, 2, 3 л. единственного и множественного числа, а также посессивные рефлексивные аффиксы единственного и множественного числа ('свой'). В нанайском языке они употребляются в посессивном контексте регулярно, в ульчском в некоторых случаях опускаются (см. подробнее [Оскольская, Стойнова 2019]).

Для дальнейшего обсуждения важнее всего морфонологические правила, действующие в именной парадигме. В обоих языках противопоставлено два типа основ: основы на гласный и основы на согласный (ср. ульч. *gasa-* 'утка' и *gasan-* 'село'). Конечный гласный основы может быть любым⁵, и основы на гласный крайне многочисленны. Основы на согласный — более ограниченный тип: согласных, на которые может оканчиваться основа, всего несколько. Это *-n* (большинство основ на согласный, ср. нан. *morin-* 'лошадь'), *-l* (именных корней, оканчивающихся на *-l*, немного, ср. нан. *omol-* 'пояс'; но как основы на *-l* ведут себя все существительные с показателем мн. ч. *-sAl*, ср. нан. *gasasal-* 'утки'), *-g* в нанайском / *-g~y* в ульчском (единичные слова, ср. нан. *dərag-* 'лицо'), а также *-r* в нанайском (немногочисленные слова, ср. нан. *saŋgar-* 'дыра'; в ульчском конечному *-r* соответствует уже упомянутый *-l*: ульч. *saŋgal-* 'дыра'). Есть также основы, оканчивающиеся на *-j*, они ведут себя как основы на гласный⁶ (нан. *naj-* 'человек').

Противопоставление по типу основы релевантно в следующих контекстах. Во-первых, в зависимости от типа основы выбираются алломорфы падежных суффиксов аккузатива и локатива, а также посессив-

⁵ Кроме носовых гласных в нанайском, о которых см. ниже.

⁶ Соответствующая фонема реализуется как согласный [j] или краткий гласный [i] в зависимости от контекста.

ных аффиксов 1SG ‘мой’, REFL.SG и REFL.PL ‘свой’, если они непосредственно следуют за основой. Во-вторых, конечный *-n* чередуется с *-m* перед показателями аккузатива и рефлексивных посессивных аффиксов (т. е. всех аффиксов на *-b*). Также конечный *-n* выпадает перед показателями на *-n*, *-ŋ* (3SG и некоторые деривационные) и перед показателем мн. ч. *-saI* (в ульчском последовательно, в нанайском вариативно)⁷. См. обобщение для основных релевантных контекстов в таблице 2. При описании адаптации русских существительных в разделе 4 контекстам, перечисленным в таблице 2, будет уделено особое внимание, ниже я буду говорить применительно к ним о «различительном контексте».

Таблица 2. Контексты, противопоставляющие основы на гласный и согласный (примеры из ульчского языка)

	основы на гласный	основы на согласный	основы на гласный (пример)	основы на согласный (пример)	
ACC	<i>-wA</i>	<i>-bA (n > m)</i>	<i>gasa-wa</i> ‘утку’	<i>gasam-ba</i> ‘деревню’	<i>gasa-sal-ba</i> ‘уток’
LOC	<i>-lA</i>	<i>-dOlA</i>	<i>gasa-la</i> ‘за утку’	<i>gasan-dŭla</i> ‘по деревне’	<i>gasa-sal-dŭla</i> ‘за уток’
1SG	<i>-I</i>	<i>-bI (n > m)</i>	<i>min gasa-i</i> ‘моя утка’	<i>min gasam-bi</i> ‘моя деревня’	<i>min gasa-sal-bi</i> ‘мои утки’
REFL.SG	<i>-I</i>	<i>-bI (n > m)</i>	<i>mən gasa-i</i> ‘свою утку’	<i>mən gasam-bi</i> ‘свою деревню’	<i>mən gasa-sal-bi</i> ‘своих уток’
REFL.PL	<i>-wArI</i>	<i>-bArI (n > m)</i>	<i>mən gasa-warī</i> ‘свою утку’	<i>mən gasam-barī</i> ‘свою деревню’	<i>mən gasa-sal-warī</i> ‘своих уток’
=LAT (ульч.)	<i>=bAn</i>	<i>=bAn (n > m)</i>	<i>gasa=ban</i> ‘к утке’	<i>gasam=ban</i> ‘в деревню’	<i>gasa-sal=ban</i> ‘к уткам’

Подробнее об именном словоизменении в нанайском языке см. [Аврорин 1959: 131—132; 163—182], об именном словоизменении в ульчском — [Петрова 1936: 26—29; Суник 1985: 31—34].

3.2. Отклонения от основной системы: нанайский vs. ульчский

В нанайском языке описанное противопоставление основ регулярно: каждая основа последовательно ведет себя как основа на согласный или на гласный. В ульчском же оно заметно размыто: наблюдается вариативность в поведении отдельных основ.

Это связано, видимо, прежде всего с тем, что в ульчском языке ослаблена разница между основами в немаркированной форме номинатива, которая в нанайском, наоборот, отчетлива. В нанайском языке основы на *-n* имеют в номинативе исход на носовой гласный (которому при присоединении аффиксов соответствует парный неносовой гласный + *n*), ср. (4a); в речи современных носителей произнесение неносовой + *n* фиксируется и в номинативе параллельно с произнесением носового гласного. В ульчском языке носовые гласные отсутствуют, и в номинативе основы на *-n* реализуются с простым усечением конечного согласного, ничем не отличаясь от основ на гласный, ср. (4b)⁸. Произнесение с конечным *-n* если и фиксируется, то крайне редко.

- (4) a. *mor[iⁿ]* *moren-žī* (нанайский)
 b. *mur[i]* *murīn-žī* (ульчский)
 лошадь.NOM лошадь-INS
 ‘лошадь’ ‘лошадью / на лошади <ехать>’

Что касается основ на *-l* и *-r*, второго относительно заметного класса основ на согласный, в нанайском языке они в номинативе оканчиваются на согласный (5a), в ульчском же факультативно полу-

⁷ Некоторые другие частные процессы, связанные с отдельными лексемами или с присоединением отдельных словообразовательных аффиксов, а также процессы, которые в обоих языках факультативны, здесь не обсуждаются.

⁸ Описывая речь более старшего поколения, Т. И. Петрова отмечает, что форма номинатива оканчивается «на назализованный гласный звук, причем эта назализация очень слабо слышима (курсив наш. — Н. С.)» [Петрова 1936: 26]. В речи современных носителей назализации не отмечается.

чают дополнительный гласный *-I* (т. е. оканчиваются на *-II*) и снова перестают отличаться от основ на гласный⁹ (5b):

- (5) a. *bādur* *omol* *naj-sal* (нанайский)
 b. *budul~buduli* *umal~umali* *ñi-səl~ñi-səli* (ульчский)
 ‘разделочная доска.NOM’ ‘пояс.NOM’ ‘люди.NOM (человек-PL)’

Еще один морфонологический фактор, который может способствовать смещению основ, — тенденция к фонетической редукции гласных (прежде всего, *I* и *U*) вплоть до полного выпадения в некоторых позициях между согласными, наблюдаемая в ульчском языке и несвойственная нанайскому. Особенно она характерна для глагольных форм (так, форма прош. вр. глагола *xodV-* ‘закончить’ в беглой ульчской речи будет произноситься как *xo[dx]an*, ср. нан. *xožexañi*), однако встречается и в именной парадигме. Для современных носителей ульчского языка еще одним фактором, который, вероятно, дополнительно усиливает вариативность, можно считать социолингвистический — ситуацию языкового сдвига, когда практически для всех носителей единственным или основным языком повседневного общения является русский, а не ульчский.

В результате в современных ульчских текстах наблюдается следующая картина. Происходит выравнивание основ на согласный по образцу основ на гласный. На синхронном уровне для основ на согласный отмечается вариативность между ожидаемыми формами и формами, характерными для основ на гласный, — как между говорящими, так и в речи одного говорящего. Ср. примеры из одного и того же текста: в (6a) *ñiŋmam-* ‘сказка’ ожидаемо ведет себя в аккумулятиве как слово на согласный (*ñiŋmam-ba*), в (6b) — как слово на гласный (*ñiŋma-wa*).

- (6) a. *tī ñiŋmam-ba-n* *čipal oŋbo-xo-pu*, *uj=də əžə-čə-si-n*
 тот сказка-ACC.C-3SG все забывать-PST-1PL кто=EMPH помнить-IPFV-NEG-PRS.NEG-3SG
 ‘Эту его сказку мы совсем забыли, никто не помнит’. (ульчский, aid_170728_so_konux)
 b. *siksə taom-ba-n* *tī nan ñiŋma-wa* *tī ñiŋman-dī* *bi-či-n*
 вечер каждый-ACC.C-3SG так 3SG сказка-ACC.V так рассказывать-PRS быть-PST-3SG
 ‘Каждый вечер он так рассказывал сказки’. (ульчский, aid_170728_so_konux)

Особенно характерно такое выравнивание для форм аккумулятива (в которых основы на согласный и на гласный максимально различаются), см. [Оскольская, Стойнова 2019].

С другой стороны, есть и (более редкие) случаи, когда существительное с основой на гласный принимает форму, характерную для основ на согласный. Ср. форму *sorom-ba* от основы *soro-* ‘плоская корзина из прутьев’¹⁰ в (7a) и ожидаемую форму *soro-wa* в (7b):

- (7) a. *sorom-ba* *žapa-mi*
 корзина-ACC.C брать-CVB.SIM.SG
 ‘Взяв корзину...’ (ульчский, lpd_1700804_nst_SkazkaMyshkaLjagushka)
 b. *əj soro-wa* *aŋžu-t* *xaj-ži tuŋdə ŋujktə-ži-n*
 этот корзина-ACC.V делать.PRS-3PL что-INS тальник корень-INS-3SG
 ‘Эти корзины делают из этого, из тальниковых прутьев’. (ульчский, oab_170730_nst_Descr OKorzinax_I_Samolet)

В наших устных текстах в некотором количестве встречаются также формы от основ на гласный с полной редукцией конечного гласного основы типа *Aurdu* ‘в (Аори-DAT)’ от топонима *Auri-*, *paswan* ‘кусок {кожи}’ (кусок-ACC.V-3SG) от *paŋi-* ‘кусок’, *xupwəŋ* ‘ее игру (играть-PRS-ACC.V-3SG)’ от *xupi-* ‘игра (NMLZ)’, *maqorwa* ‘юколу (юкола-ACC.V)’ от *maqori-* ‘юкола’. Ср. (8): в полном произнесении ожидалось бы *maqoriwa*.

- (8) *xolžo-wan-dī-n* *tī maqor-wa*
 сохнуть-CAUS-PRS-3SG тот юкола-ACC.V
 ‘Она сушит эту юколу...’ (ульчский, spd_20180730_nst_BioDetstvo)

⁹ Впрочем, для форм мн. ч., основного «поставщика» основ на *-I*, исход на гласный не очень частотен: в нашей коллекции исход на *-I* в номинативе встретился в 12% случаев (28 вхождений формы номинатива на *-sAlI* и 215 вхождений формы на *-sAl*). Для корней на *-I* исход на *-II* в номинативе, видимо, более характерен, но это требует дополнительной проверки.

¹⁰ Исходно это с очевидностью основа на гласный: как слово с основой на гласный оно фиксируется в словаре О. П. Суника [Суник 1985: 234], в нанайском языке оно имеет вид *soro-*, а не **soron-*; из других тунгусо-маньчжурских языков оно фиксируется в маньчжурском в форме *šori*, *šoro* [ССТМЯ 1975(II): 113].

Можно считать это чисто фонетическим явлением. Однако, если принять такие формы во внимание, они значительно расширяют репертуар возможных конечных согласных основы. С другой стороны, подобные редуцированные основы полностью не переходят в класс основ на согласный, как можно было бы ожидать: ср. приведенные формы аккумулятива с алломорфом *-wA*, характерным для основ на гласный, а не для основ на согласный. Так, в (8) регулярная форма от основы на согласный звучала бы как *maqor-ba*, таких употреблений не встретилось ни разу. Ср. также пример (9) с еще более нестандартным, чем в (8), сочетанием [pw] на стыке основ: *qanwa* ‘дымоход под нарами, кан’. Для основ на *-n* ожидается форма аккумулятива с чередованием и алломорфом *-bA* (**qam-ba*), но это на самом деле не основа на *-n*, а основа на гласный, в которой произошла редукция конечного гласного (*qan-i*).

- (9) *si ičə-xə-si t̪i xagdu-wa¹¹, t̪i qan-wa?*
 2SG видеть-PST-2SG тот дом-ACC.V тот кан-ACC.V
 ‘Ты видела этот дом, этот кан?’ (ульчский, spk_170802_so_dom, реплика nak)

Формы с редукцией гласного, не примыкая к классу основ на согласный, видимо, наоборот, способствуют тому, что «настоящие» основы на согласный начинают принимать алломорфы, характерные для основ на гласный, без усечения или наращивания основы (обсуждавшегося выше). Так, в наших текстах в 12% всех форм аккумулятива от основ множественного числа на *-sAl* (22 примера) используется не ожидаемый для основ на согласный алломорф *-bA*, а, как и в редуцированных формах, алломорф основы на гласный *-wa*. Ср. формы *ñi-səl-wə* ‘людей’ и *əka-səl-wə* ‘женщин’, вместо *ñi-səl-bə* и *əka-səl-bə*, в (10)¹²:

- (10) *mēwa ənu-s-i ñi-səl-wə,*
 сердце болеть-IPFV-PRS человек-PL-ACC.V
piktə bāq-a-si əka-səl-wə samada-m
 ребенок находить-NEG-PRS.NEG женщина-PL-ACC.V шаманить-CVB.SIM.SG
 ‘Когда она шаманила людям, у которых болит сердце, и женщинам, которые не могут родить ребенка...’ (ульчский, spd_20180731_nst_BioBabushkaShamankaJeneke)

Для основ на *-n* (предполагающих еще и чередование на стыке и склонных к усечению, а не к наращиванию основы) аналогичных форм (на *-nw-*) в текстах не встречается.

Итак, в ульчской и нанайской именных системах противопоставлены основы двух типов — на гласный (многочисленные и разнообразные) и на согласный (менее многочисленные и допускающие всего несколько согласных). В нанайском языке граница между словоизменительными типами очень четкая, в ульчском более размытая, что окажется важно для дальнейшего обсуждения.

4. Морфологическая адаптация русских существительных

Для русского существительного исходной формой, которая далее интегрируется в южно-тунгусскую именную систему, оказывается форма номинатива единственного числа (вместе с соответствующим окончанием). Ср. (11):

- (11) *min əʒi сeмья-du-ni*
 1SG муж сeмья-DAT-3SG
 ‘в семье моего мужа...’ (ульчский, aid_171112_nst_BioSemjaMuzha)

Морфонологические типы русских номинативных форм в определенном смысле противоположны описанным в разделе 3.1 южно-тунгусским типам именных основ. Возможно ограниченное число исходов на гласный (на *-a*, на *-o* и на безударный редуцированный гласный), если не учитывать несклоняемые заимствования, и разнообразные исходы на согласный без каких бы то ни было ограничений: и на согласные, которые возможны в исходе южно-тунгусской основы (*буран*, *журнал*), и на согласные, на которые не может оканчиваться нанайское или ульчское существительное (*класс*, *интернат*), в том числе и такие, которых вообще нет в нанайской и ульчской фонологических системах (*карандаш*).

Русские существительные на гласный вполне вписываются в тунгусский тип основ на гласный, и для них можно ожидать, что они будут оформляться тунгусскими аффиксами без каких бы то ни было до-

¹¹ В этом примере также произошло выравнивание основы на согласный по образцу основ на гласный: от *xagdu-n* ожидается форма *xagdu-m-ba*.

¹² При этом форм с выраженным гласным типа *əkasəli-wə*, которых можно было бы ожидать по аналогии с номинативом на гласный *əkasəli*, все же не встречается.

полнительных преобразований по правилам для основ на гласный. Это будет проверено в разделе 4.1. Там же описано поведение основ на *-j*, которые в нанайском и ульчском примыкают к основам гласного типа. Русские существительные на согласный, наоборот, представляют для тунгусской морфонологической системы проблему, и для них ожидаются более сложные правила интеграции, которые могут зависеть от типа согласного. Они будут описаны в разделе 4.2: последовательно рассмотрены существительные на *-n* (как большинство тунгусских основ на согласный), на *-l*, *-r* (возможные в исходе тунгусской основы) и на прочие согласные (которые не могут встречаться в исходе тунгусской основы). В обоих разделах я сравню данные нанайского языка с данными ульчского. В разделе 4.3 кратко обсуждаются явления, связанные с интеграцией русских существительных, которые не попали в основной фокус исследования: редкие образования от форм множественного числа; действие тунгусских правил сингармонизма на русские существительные и другие свидетельства их фонетической адаптации; однословные русские вставки, не оформленные тунгусскими аффиксами.

4.1. Существительные на гласный и *-j*

Для существительных на гласный (*бригада*, *ведро*), как было сказано выше, ожидается, что они будут вести себя как обычные тунгусские основы на гласный. Это, за редкими исключениями, действительно так и для нанайского языка, и для ульчского, см. таблицу 3. Тунгусский аффикс прибавляется непосредственно к русской форме номинатива без каких бы то ни было преобразований (см. (11) выше), причем в различительном контексте (см. список различительных контекстов в таблице 2) выбирается аффикс, характерный для основы на гласный:

- (12) ну, **писька-*wa-ni***, *xaj*, *ʒapa-ra=tani*
 ну **писька-ACC.V-3SG** что брать-CVB.NSIM=COORD
 ‘Ну, за письку его, это, взял...’ (нанайский, itg_130312_ns_LegendaSpasennyjMaljchik)

Таблица 3. Существительные на гласный

	нанайский	ульчский
как основы на гласный	212	304
как основы на <i>-n</i>	1	3
редукция основы	1	1
всего	214	308

В выборке встретились единичные отклонения от этого правила. В одном примере из нанайского (13a) и в одном из ульчского (13b) выступает редуцированная основа. Пример (13a) можно объяснить гаплогогией (ожидается форма *платье-ji*), в примере (13b) можно предполагать старое заимствование топонима *Весёлое* в усеченной форме *Весёло*¹³.

- (13) a. *mən* **плать-*ji*** *pasi-ʒi-a-ni* *tətuə-go-a-ni* *mī=də* *aŋgo-xam-bi=goa*
 свой **платье-REFL.SG.V** кусок-INS-OBL-3SG одежда-DEST-OBL-3SG 1SG=EMPH делать-PST-1SG.C=PTCL
 ‘Из куска своего платья я ей сделала одежду’ (нанайский, itg_130308_ns_KuklaBliznjashka)
- b. *bu* **Весёло-*du***...
 1PL Весёлое-DAT
 ‘Мы в Веселом {жили}...’ (ульчский, agk_20190711_nst_BioDetstvoAori)

В трех примерах из ульчского и в одном из нанайского русское существительное на гласный реинтерпретируется как основа на *-n*: в неразличительном контексте (14a) *-n* добавляется перед падежным аффиксом, в различительном контексте в (14b) происходит чередование и выбирается алломорф, характерный для основ на согласный (*радиво-m-ba*, а не **радиво-wa*).

¹³ По этим двум примерам можно было бы предположить более общую тенденцию к усечению безударного гласного после *j*, однако свидетельств этому в наших данных нет. И в нанайской, и в ульчской выборках довольно много слов на «*j*+ безударный гласный», усечения в них не наблюдается: *армия-čī* ‘в армию’, *станция-ʒeaʒi* ‘со станции’, *Приморье-du* ‘в Приморье’, *печенье-səlbə* ‘печенье-PL.ACC’. Я благодарна анонимному рецензенту за указание на необходимость этого уточнения и за наблюдение о возможности старого заимствования в (13b).

- (14) a. *ʒua iła aña-n bi-či-n bilə* **Надя-*n-du***
 десять три год-3SG быть-PST-3SG наверное **Надя-STEM-DAT**
 ‘Лет тринадцать, наверное, было Наде’. (ульчский, spd_20190801_nst_BioDetiOdniVAori)

- b. *dosola-j* телевизор-*bə=nu* **радио-*m-ba=nu***
 слушать-PRS телевизор-ACC.C=Q **радио-STEM-ACC.C=Q**
 ‘Слушаем телевизор или радио’. (нанайский, vmk_160718_ns_DescrVodaVOzere)

В нанайском и ульчском языках как основы на гласный ведут себя также основы на *-j* (см. раздел 3.1). Это же верно и для русских существительных на *-j* (типа *чай*). Тип основы в данном случае можно определить только в различительном контексте: таких примеров очень мало (таблица 4), но во всех этих примерах выбирается алломорф, характерный для основы на гласный, ср. *слой-wa*, а не **слой-ba* в (15). Конечный *-j* основы произносится как согласный или как полугласный.

- (15) *elan ʒuər xaj ačo-o-ri-ni=go* **слой-*wa***
 три четыре что снимать-IMPS-PRS-HAB=PTCL **слой-ACC.V**
 ‘Три-четыре этих снимают, слоя’. (нанайский, rchk_110807_ns_Jukola)

Таблица 4. Существительные на *-j*

	нанайский	ульчский
в неразличительном контексте	10	7
в различительном контексте:		
как основы на гласный	3	6
всего	13	13

4.2. Существительные на согласный

Правила морфологической адаптации русских существительных на согласный сложнее и различаются для нанайского и ульчского языков. Ниже последовательно рассмотрены разные типы основ: на *-n*, на *-l* и *-r* (основы на согласный, возможные в нанайском и ульчском) и основы на другие согласные (невозможные в нанайском и ульчском).

4.2.1 Существительные на *-n*

Русские существительные на *-n* (*экзамен*) в нанайском языке ведут себя как регулярные основы на *-n*: сохраняют конечный *-n* в неразличительном контексте (16a) и обнаруживают характерные для основ на *-n* алломорфы (16b, 16c) и чередования (16c) в различительном контексте:

- (16) a. *xodase-ra=tani*, **магазин-*či*** *əpə-rə*
 продавать-CVB.NSIM=COORD **магазин-LAT** идти-CVB.NSIM
 ‘Продали {торбаза} и пошли в магазин’ (нанайский, itg_20130310_ns_BabaNadjaVyxodilaZamuzh)
- b. **карман-*dola-i*** *nə-ri-du-j*
карман-LOC.C-REFL.SG.V класть-PRS-DAT-REFL.SG.V
 ‘Когда себе в карман положила {золотой слиток}...’ (нанайский, vsg_110813_ns_SonDocheriNachalo)
- c. *hoani təj* **драко-*m-ba*** *wā-xa*, *mudur-bə*
 3SG тот **дракон-STEM-ACC.C** убивать-PST дракон-ACC.C
 ‘Он убил этого дракона, мудура (земного дракона)’. (нанайский, sds_110811_ns_legenda pro Xujun)

В выборке встретилось всего два слова с исходом на мягкий *-nⁱ*, который в нанайском невозможен. В (17a) такое слово принимает алломорф, характерный для основ на согласный, но чередования, характерного для основы на *-n*, не происходит. В (17b) в первом вхождении та же ситуация, а в последующих двух *-nⁱ* чередуется с *-m*, как у нанайской основы на *-n* твердый.

- (17) a. **Сихотэ-Алинь-*bə*** *xuəl-i* *bi-či-či=tən*
Сихотэ-Алинь-ACC.C переваливать-PRS быть-PST-3PL=COORD
 ‘Они переходили Сихотэ-Алинь’. (нанайский, vmk_160708_ns_PujmurIPodobnoje)

- b. *печень-bə-niə*, *хэт пече-m-bə-niə* *хаж-о-ri*, *туј жəp-du-j*
 печень-ACC.C-3SG весь печень-STEM-ACC.C-3SG что.делать-IMPS-PRS так есть-PURP-REFL.SG.V
пече-m-bə-ni *жари-la-go-o-ri*
 печень-STEM-ACC.C-3SG жарить-VBLZ-REP-IMPS-PRS
 ‘Ее (кеты) печень, всю печень это самое делают, вот так, чтобы есть, печень жарят’. (нанайский, rchk_110807_ns_Jukola)

В ульчском языке русские существительные на *-n* ведут себя по-другому. И в неразличительном, и в различительном контексте они сохраняют конечный *-n*, в т. ч. перед показателем мн. ч., перед которым у ульчских основ он выпадает (см. раздел 3.1 выше), (18a). При этом в различительном контексте они ведут себя как основы на гласный: нет чередования, ср. *Биробиджан*, а не **Биробиджа-т* в (18b); выбирается алломорф, характерный для основ на гласный, ср. *телефон-wa* в (18c), а не **телефо-m-ba*, как было бы в нанайском и как происходит в исконных ульчских основах на *-n*.

- (18) a. *керосин-sal хаж-тə ixəɾə хаж тао-ха-ti*
 керосин-PL что-МАТ свет что зажигать-PST-3PL
 ‘Керосиновые, из этого самого, лампы зажгли’. (ульчский, tsd_170726_so_Arta)
- b. *paŋiŋ Биробиджан=baŋi taɬuči-ŋda-m ɲəpə-xə-ti*
 некоторые Биробиджан=LAT учиться-MPURP-CVB.SIM.SG идти-PST-3PL
 ‘Некоторые поехали учиться в Биробиджан’. (ульчский, spd_20180730_nst_BioDetstvo)
- c. *tara сотовый жəpa-xa-n, сотовый телефон-wa*
 потом сотовый брать-PST-3SG сотовый телефон-ACC.V
 ‘Потом сотовый взял, сотовый телефон’. (ульчский, lpd_20180720_nst_SluchajMuzhUpalVProrubj)

В трех примерах наблюдаются отклонения от этой схемы: усеченная основа в (19a)¹⁴, как в исконных ульчских основах на *-n* (ср. с (18a)), эпентеза в (19b)¹⁵ и, возможно, алломорф, характерный для основы на согласный, в (19c) (ср. с нанайским (17))¹⁶.

- (19) a. ну *хаж-sal камин-sal*
 ну что-PL камин-PL
 ‘Ну эти, каминны... {то есть уже русские печки там были}’. (ульчский, gir_20190718_nst_BioStaryjDom)
- b. колхоз *план-ə-n ujlə-m dəŋsi-xə-m nada žakpu aŋan-du=də*
 колхоз план-STEM-3SG работать-CVB.SIM.SG работать-PST.1SG семь восемь год-DAT=EMPH
 ‘Выполняя колхозный план, я работал семь-восемь лет’. (ульчский, mixailduvan_BioOSebe)
- c. от *чан-b=... чан-wa хаж-wa хаж dawso-la-m*
 один чан-?ACC.C= чан-ACC.V что-ACC.V что соль-VBLZ-CVB.SIM.SG
 ‘Один чан когда солят...’ (ульчский, oax_20190713_nst_BioNizhnijePrungi)

¹⁴ Про слово *камин* можно предположить, что его нестандартное поведение связано с тем, что это старое устойчивое заимствование, а не окказиональное заимствование или переключение кодов, как в других случаях (см. о заимствовании этого слова в разные языки Сибири [Аникин 2003: 234]). Я благодарна анонимному рецензенту статьи за это наблюдение. На статус старого заимствования указывает на первый взгляд семантический сдвиг: в современном литературном русском языке слово *камин* в таком значении не употребляется. С другой стороны, в региональной разновидности русского языка, используемой носителями нанайского и ульчского (особенно пожилыми), слово *камин* в значении ‘печь русского типа, буржуйка’ существует, ср. фрагмент русской речи ровесницы информантки gir, от которой получен пример (19a), родом из соседнего села: *Перед этим... каминчик горит* (vas, ульчский).

¹⁵ Немногочисленные употребления, когда за основой следует показатель 3SG *-ni*, подробно не обсуждались. Для регулярных тунгусских основ на *-n* ожидается одиночный *-n* на стыке двух одинаковых согласных основы и аффикса (см. выше раздел 3.1). Такой пример находим в нанайской выборке, где русские существительные действительно ведут себя как обычные основы на *-n*: *патро-ni* ‘его (ружья) патрон’. Употребление (19b) с эпентезой, наоборот, скорее вписывается в ульчскую тенденцию, когда основы на *-n* ведут себя не как регулярные основы на согласный (в других контекстах они просто принимают алломорф, характерный для основы на гласный, а здесь, видимо, это оказывается невозможным по фонетическим причинам).

¹⁶ В этом примере самокоррекция: в следующем вхождении той же лексемы выбирается алломорф, характерный для основ на гласный. Про первое вхождение можно предположить, что это вообще не форма аккузатива, а форма с лативной клитикой *=baŋ* ‘в чан’, как в (18b).

В таблице 5 дана подробная информация о количестве употреблений разного типа в нанайской и ульчской выборках.

Таблица 5. Существительные на *-n* и *-nʲ*

	нанайский	ульчский
в неразличительном контексте		
на <i>-n</i>	31	18
редукция <i>-n</i>	0	1
эпентеза (на <i>-nʲ</i>)	0	1
в различительном контексте		
как исконные основы на <i>-n</i> (чередование и алломорф согласного типа)	11	0
<i>-n</i> + алломорф согласного типа (без чередования)	2	3
<i>-n</i> + алломорф гласного типа	0	7
всего	44	30

4.2.2. Существительные на *-l*, *-r*

Ниже рассмотрены русские существительные на *-l*, *-r* для нанайского и *-l* для ульчского — т. е. на согласные, которые, как и *-n*, встречаются в исходе тунгусской основы на согласный (раздел 3.1). Вместе с ними рассмотрены и слова на мягкие *-lʲ* и *-rʲ* (регулярных пар по палатализации в нанайском и ульчском для этих согласных нет).

В нанайском языке и основы на *-l*, *-r*, и основы на мягкие *lʲ* и *rʲ* в неразличительном (20а) и различительном (20b) контексте ведут себя как основы на согласный.

- (20) а. комсомольский **госпиталь-du** *ʒobo-j-ni=goa*
комсомольский **госпиталь-DAT** работать-PRS-3SG=PTCL
‘Она в комсомольской больнице работает’. (нанайский, exk_160725_ns_BioRusskajaNanajka)
- б. *ulən-ʒi* *ʒapa-če-xam-bi* *taj* **катер-bi**
хороший-ADV брат-IPFV-PST-1SG.C тот **катер-REFL.SG.C**
‘Я хорошо содержал свой катер’. (нанайский, juts_130307_ns_Biografia)

Гораздо более редки примеры, в которых между согласным основой и аффиксом вставляется эпентетический гласный, как в (21). Такие употребления встретились в выборке только в неразличительном контексте.

- (21) а. **тюл'-i-ʒi** *dase-go-j* *oja-wa-ni*, *ələ*
тюль-STEM-INS накрывать-REP-PRS сверху-ACC-3SG всё
‘Тюлем покрывают сверху (лицо покойника) — и всё’. (нанайский, rchk_110807_ns_Poxorony)
- б. *gə*, **мотор-a-p=da** *guk-pi-ŋi*
вот **мотор-STEM-1PL=EMPH** гаснуть-PST-3SG
‘А мотор-то у нас заглох!’ (нанайский, pnv_160702_ns_RasskazUbiliMedvedja)

В ульчской выборке примеров на *-l*, *-lʲ* встретилось очень мало. Все они без эпентезы (22а, 22b), в различительном контексте присоединяют алломорф, характерный для основ на гласный (22b).

- (22) а. *anaje*, *tʲi* Игорь *tame* **Израиль-ʒi** *ʒiʒu-n*, *ʒiʒu-xə-n* *am-tʲi*
ой тот Игорь потом **Израиль-INS** приходить-PRS-3SG приходить-PST-3SG отец-LAT
‘Ой-ой, потом этот Игорь из Израиля приезжает — он к отцу приехал’. (ульчский, lpd_171109_nst_BioOtetsIgorja)
- б. газета-wa, **журнал-wa** *ločadam* *taɯn-dʲi-n*
газета-ACC.V **журнал-ACC.V** по-русски читать-PRS-3SG
‘Газеты, журналы по-русски читает...’ (ульчский, spd_20180731_nst_BioShkolaRabochejMolodezhi)

Количественные данные по этому типу основ см. в таблице 6.

Таблица 6. Существительные на *-l*, *-r*

	нанайский (<i>-l</i> , <i>-r</i> , <i>-li</i> , <i>-r'</i>)	ульчский (<i>-l</i> , <i>-li</i>)
в неразличительном контексте		
на <i>-l</i> , <i>-r</i>	25	4
эпентеза (на <i>-liV</i> , <i>-r'V</i>)	2	0
в различительном контексте		
как исконные основы на согласный:		
с алломорфом согласного типа	14	0
<i>-l</i> , <i>-r</i> + алломорф гласного типа	0	3
всего	41	7

4.2.3. Существительные на другие согласные

В нанайских текстах русские существительные на остальные согласные большей частью принимают эпентетический гласный и ведут себя как основы на гласный в различительном и неразличительном контексте, ср. (23).

- (23) а. **карандаш-а-ž=ni** **тетрад-а-č** *xaji jaori-če-xa-ni*
карандаш-STEM-INS=Q **тетрад-STEM-LAT** что чертить-IPFV-PST-3SG
bi-či, *xaj-go-j* *ičə-əŋ-gu-j*
 быть-PST что.делать-PURP-REFL.SG.V видеть-CAUS-PURP-REFL.SG.V
 ‘То ли карандашом в тетрадь что-то рисовал, чтобы показать’. (нанайский, vmk_160708_ns_BioByliVMoskve)

- б. **Борис-ə-du** **подарк-а-wa** *aŋgo-xa-ni=goa*
Борис-STEM-DAT **подарок-STEM-ACC.V** делать-PST-3SG=PTCL
 ‘Она сделала Борису подарок’. (нанайский, itg_20130310_ns_BabaNadjaVyxodilaZamuzh)

В крайне немногочисленных примерах без эпентезы типа (24) существительные в различительном контексте принимают алломорфы, характерные для основы на согласный, (24b) (примеров без эпентезы на различительный контекст всего 4 — с одной и той же лексемой из одного текста):

- (24) а. **арбуз-а-wa**, **помидор-sal**, **огурец-sal** *tar-i* *bi-či-či=goa*
арбуз-STEM-ACC.V **помидор-PL** **огурец-PL** сажать-PRS быть-PST-3PL=PTCL
 ‘Арбузы, помидоры, огурцы выращивали’. (нанайский, lfb_120812_ns_NaixinskajaAlema)
- б. *hoani cū* *buju-du* **Арсеньев-ба** *Oni-a* *tuj olbe-ač-i* *bi-či*
 3SG самый первый-DAT **Арсеньев-ACC.C** Анюй-ACC.V так вести-ALTER-PRS быть-PST
 ‘Он <дед> самый первый Арсеньева по Анюю водил’. (нанайский, kmb_120811_so_DedMakto)

В ульчских текстах, в отличие от нанайских, в большинстве случаев эпентетический гласный к русскому существительному на согласный не добавляется (25). При этом, как и для типов, рассмотренных выше, в различительном контексте выбираются алломорфы, характерные для основы на гласный, а не для основы на согласный (25b, 25c). Разница между ульчской и нанайской стратегиями особенно отчетливо видна при заимствовании русских существительных с беглым гласным (об адаптации которых см. ниже в разделе 4.3), ср. *подарк-а-wa* в (23b) выше и *песок-wa* в (25b).

- (25) а. **колхоз-du** *amba* *goro ujlə-xət*
колхоз-DAT достаточно долго работать-PST.1SG
 ‘Я довольно долго работал в колхозе’. (ульчский, agk_20190711_nst_BioDetstvoAori)
- б. *xaj-wa*, **песок-wa** *pala-ki* *сыпə-rə*
 что-ACC.V **песок-ACC.V** пол-PROL сыпать-CVB.NSIM
 ‘Этот, песок по полу разбросав...’ (ульчский, gip_20190712_nst_BioRabotalaVDetstve)
- в. *tara* **китаец-la** *землянка ga-či-ni*
 потом **китаец-LOC.V** землянка покупать-PST-3SG
 ‘Потом у китайца землянку купил’. (ульчский, aid_20190709_nst_BioDetstvo)

Употребления с эпентезой, как в нанайском, тоже встречаются (26), но очень редко (см. таблицу 7).

- (26) медвежий **праздник-o-wa** *xaj-xa-n* *bi-či-ni*
 медвежий **праздник-STEM-ACC.V** что.делать-PST-3SG быть-PST-3SG
 ‘Медвежий праздник это самое делали (проводили)’. (ульчский, OK_medvezhij prazdnik)

В одном примере основа ведет себя как исконная ульчская основа на согласный: выбирается алломорф локатива *-dOlA*, а не *-lA* (27)¹⁷.

- (27) и *mimbə*, *mimbə* *utu-du* *xaj-wa...* **тальник-dulə** *loqo-xo*
 и 1SG.ACC 1SG.ACC люлька-DAT что-ACC.V **тальник-LOC.C** вешать-PST
 ‘И меня в люльке это, на тальник повесили’. (ульчский, oax_20190713_nst_BioRannejeDetstvo)

Сводные данные по ульчскому и нанайскому приведены в таблице 7.

Таблица 7. Существительные на согласный, нехарактерный для ульчского и нанайского¹⁸

	нанайский	%	ульчский	%
в неразличительном контексте				
на согласный	6	5,26%	134	86,45%
эпентеза	108	94,74%	21	13,55%
в различительном контексте				
как исконные основы на согласный (алломорф согласного типа)	4	12,5%	1	1,89%
эпентеза + алломорф гласного типа	28	87,5%	4	7,55%
на согласный + алломорф гласного типа	0	0%	48	90,57%
всего	146		208	

4.3. Другие особенности адаптации русских существительных

В этом разделе я кратко перечислю некоторые особенности адаптации русских существительных, отмеченные в выборке, но не относящиеся непосредственно к теме статьи.

а) Поведение форм множественного числа. При референции к множественному числу форма номинатива ед. ч. русского существительного может оформляться тунгусским показателем множественного числа (28а) или не оформляться показателем мн. ч. вовсе, когда это допускается нанайскими/ульчскими правилами (28b).

- (28) а. *təj səwən-səl=tani* **полено-səl** *bi-či-ni=goani*
 тот сэвэн-PL=COORD **полено-PL** быть-PST-3SG=PTCL
 ‘Эти сэвэны (идолы) были поленья’. (нанайский, ivg_110806_ns_Seweny)

- б. *elan* **отгадка-wa** *отгада-la-ru=əmdə*
 три **отгадка-ACC.V** отгадывать-VBLZ-IMP.SG=QUOT
 ‘Три загадки отгадай, говорит’. (нанайский, itg_20130310_ns_SkazkaDevushka)

Однако в выборке (и в нанайских, и в ульчских текстах) встретились и более интересные случаи. Во-первых, показатель числа может дублироваться: тунгусский показатель мн. ч. прибавляется к русской форме мн. ч., а не ед. ч. номинатива (такие случаи выше попали в класс русских существительных на

¹⁷ Интересно, что в (27) основа на задненебный. Как упоминалось в разделе 3.1, в ульчском и нанайском есть единичные основы на звонкий задненебный (в некоторых контекстах реализуется с оглушением как [k]). Поскольку они очень маргинальны, русские основы на задненебный в качестве отдельного класса не рассматривались. Но в принципе их наличие может поддерживать выбор алломорфа согласного типа в (27). При этом большинство русских основ на задненебный (и в ульчском, и в нанайском) ведут себя по-другому, ср. (23b), (25b), (26).

¹⁸ Разница между нанайским и ульчским в распределении вариантов на согласный vs. с эпентезой статистически значимая и в различительном, и в неразличительном контексте, точный 2-сторонний тест Фишера, $p < 0,0001$.

гласный), (29a). Во-вторых, множественное число может выражаться только русским показателем им. п. мн. ч.¹⁹, как в (29b).

- (29) а. болячки-*sal*, унты-*səl-bə*, бревна-*sal-wa*
 болячки-PL унты-PL-ACC.C бревна-PL-ACC.V
 ‘болячки’ (нан.) ‘унты’ (нан.) ‘бревна’ (ульч.)
- б. каникулы-*ti-n*, сани-*wa*, фитили-*wə*, советские времена-*du*
 каникулы-LAT-3SG сани-ACC.V фитили-ACC.V советские времена-DAT
 ‘на каникулы’ (ульч.) ‘сани’ (ульч.) ‘фитили’ (нан.) ‘в советские времена’ (нан.)

б) Фонетическая адаптация. Выше нас интересовали только морфонологические процессы на стыке русской основы и тунгусского аффикса. Однако при адаптации русских существительных могут происходить и другие процессы. В частности, русская фонема, отсутствующая в нанайском/ульчском, может заменяться на близкую нанайскую/ульчскую: ср. [*s*]/*кола*=*ban* ‘в школу’ (ульч.). Отдельный интересный вопрос, оставшийся за пределами рассмотрения: как на русское существительное действуют тунгусские правила сингармонизма. В нанайском и ульчском языках достаточно строгие правила сингармонизма по подъему: внутри одной основы встречаются только гласные верхней серии или нижней серии, в зависимости от гласных основы выбираются алломорфы суффиксов с гласным верхней или нижней серии. В ульчском языке также отмечается факультативный сингармонизм по [о]: к основам с [о] могут присоединяться особые алломорфы суффиксов с [о]. При адаптации русских существительных правила сингармонизма тоже действуют, но значительно менее последовательно. Гласные в основе могут подстраиваться по подъему под ударный гласный. В соответствии с правилами сингармонизма может выбираться эпентетический гласный и гласные словоизменительных суффиксов. Так, в (30a) выбран эпентетический гласный верхней серии [ə] и алломорф -*səl*, а не -*sal*, т. к. в корне гласный верхней серии [u]; в (30b) и в качестве эпентетического гласного, и в суффиксе выбирается, наоборот, нижний гласный [a], поскольку в корне гласные нижней серии. Однако в большом количестве встречаются и употребления типа (30c), в которых сингармонизм не соблюдается:

- (30) а. дух-*[ə]-s[ə]l* ‘дүхи’ б. моряк-*[a]-s[a]l* ‘моряки’ с. ковер-*s[ə]l* ‘ковры’ (нан.)

Про все описанные фонетические явления в общем случае нельзя однозначно сказать, являются ли они маркером заимствования (или, шире, адаптации русского фрагмента в нанайскую/ульчскую речь). Для некоторых носителей они отмечаются и в их русской речи, для некоторых нет (и только в этом случае можно говорить о том, что фонетическая адаптация сопутствует заимствованию или внутрисловно-му переключению кодов).

в) Русский «беглый гласный» при адаптации существительных. В некоторых русских существительных гласный -*о* основы перед ненулевым окончанием выпадает (чередуется с нулем): *крючок* — *крючка*, *овёс* — *овса*. Интересно, происходит ли это при присоединении тунгусских аффиксов. При вставке эпентетического гласного во всех примерах (31a), кроме одного (31c), беглый гласный выпадает (5 употреблений в нанайском, 4 в ульчском). При присоединении аффикса без эпентезы во всех зафиксированных вхождении беглый гласный сохраняется (6 употреблений в ульчском), (31b).

- (31) а. остатк-*a-wa-ni* овс-*a-n=da* б. крючок-*du* с. овёс-*a-wa*
 остаток-STEM-ACC.V-3SG овес-STEM-3SG крючок-DAT овёс-STEM-ACC.V
 ‘его остаток’ (нан.) ‘его овёс-то’ (ульч.) ‘на крючке’ (ульч.) ‘овёс’ (нан.)

Примеры типа (31a) заставляют задуматься о том, корректно ли в данном случае говорить о присоединении тунгусских аффиксов к форме номинатива (как предлагалось в общем случае выше). В русской форме номинатива гласный выпадать не должен. При этом если посмотреть на русские существительные на согласный с беглым гласным в номинативном контексте, некоторые из которых тоже прибавляют эпентетический конечный гласный как в заимствованиях и переключенных фрагментах, так и в русской речи нанайцев и ульчей, то для них наблюдается похожая картина: иногда беглый гласный сохраняется (*овёса*, *переца*, *ящичека*), иногда выпадает (*удегейца*, *линька*, *камушка*).

г) Однословные вставки, не оформленные тунгусскими аффиксами. За пределами этой статьи остались одиночные русские существительные, не оформленные тунгусскими аффиксами, поскольку для

¹⁹ Интересно, что он в этом случае десемантизируется в качестве падежного показателя, но не в качестве числительного. Впрочем, в большинстве встретившихся примеров, хотя и не во всех, мн. ч. выступает в идиоматизированном значении (29).

них не актуален вопрос о морфологической адаптации. Среди них есть существительные, оформленные русскими словоизменительными показателями по русским правилам, как в (32a); существительные в форме номинатива в номинативном контексте (32b); а также существительные в форме номинатива за пределами номинативных контекстов: характерных для номинатива (неоформленной основы) в нанайском и ульчском языках, но не в русском (32c), или не характерных для номинатива ни в тунгусских языках, ни в русском (32d).

- (32) a. **закидушку** *ńal-i*
закидушка.ACC.SG бросать-PRS.1SG
 ‘Закидушку бросаю...’ (ульчский, agk_20190720_ASm_SluchajBrataVmestoRyby)
- b. **война** *xod-xan-du-n*
война заканчиваться-PST-DAT-3SG
 ‘Когда кончилась война...’ (ульчский, spk_171112_nst_Biografia)
- c. **сени** *pəži-lə-n gusə bi-či-n*
сени.NOM.PL низ-LOC-3SG сундук быть-PST-3SG
 ‘Под сениями был сундук’. (ульчский, agk_20190725_ASm_ZveriNapilis)
- d. *tī bi-m=də min ag-bi армия žižu-xə-n=tə, xagdu anžu-xa-n*
 так быть-CVB.SIM.SG=EMPH 1SG брат-1SG.C **армия** возвращаться-PST-3SG=PTCL дом строить-PST-3SG
 ‘Тогда мой старший брат из армии вернулся, дом построил’. (ульчский, spk_171112_nst_Biografia)

Употребления типа (32a) интересуют нас в наименьшей степени. Про все остальные употребления в контексте статьи интересно, в какой мере на них распространяются морфонологические свойства номинативов (неоформленных существительных) нанайского и ульчского языков. В частности, интересно, получают ли основы на согласный, нехарактерный для исхода основ в нанайском и ульчском, эпентетический гласный, как в формах с аффиксами, а для существительных на *-n* — выступает ли в номинативе усеченная основа на обычный (для ульчского) или носовой (для нанайского) гласный. Формы с эпентезой встречаются (см. примеры выше), но единичны в выборке. Форм с усечением *-n* не зафиксировано.

5. Результаты и обсуждение

Как показано в предыдущем разделе, нанайский и ульчский языки используют не вполне сходные стратегии морфологической адаптации русских существительных. За основу берется русская форма номинатива. Формы номинатива на гласный в обоих языках ведут себя как исконные основы на гласный. Формы на согласный ведут себя по-разному.

В нанайском языке русские существительные с исходом на те согласные, на которые может оканчиваться нанайское существительное, ведут себя как исконные основы на согласный. Существительные на согласный, недопустимый в исходе нанайской основы, получают эпентетический гласный и ведут себя как основы на гласный.

В ульчском языке основы на согласный, независимо от типа согласного, ведут себя особым образом, нехарактерным для тунгусских основ. Они не получают эпентетического конечного гласного, как в нанайском, но при этом сочетаются с алломорфами, характерными для исконных основ на гласный, а не для исконных основ на согласный, т. е. ведут себя как слова особого словоизменительного типа.

Эти правила кратко резюмируются в таблице 8. В обоих языках, особенно в ульчском, наблюдаются отклонения от них, подробно описанные выше (раздел 4). Однако на уровне отчетливых тенденций эти правила действуют в обоих языках.

Таблица 8. Морфологическая адаптация русских существительных: обобщение

	нанайский	ульчский
на гласный (и <i>-j</i>)	как основы на гласный	
на <i>-n</i>	как основы	особый тип:
на <i>-l, -r</i>	на согласный	согласный +
на прочие согласные	как основы на гласный:	алломорфы
	эпентеза	гласного типа

Различия между нанайской и ульчской стратегиями адаптации русских существительных согласуются с наблюдениями над собственной словоизменительной системой этих языков, приведенными в разделе 3.2. В нанайском языке — жесткая стабильная оппозиция типов склонения. В этой ситуации русское существительное последовательно ведет себя так же, как исконные существительные того или иного типа склонения, если по морфонологическому облику оно от них не отличается, и претерпевает регулярное преобразование (вставку эпентетического гласного), если отличается.

В ульчском языке та же самая система размыта. Класс основ на согласный меньше. По форме номинатива тип основы не опознается однозначно. Сильная фонетическая редукция затемняет разницу между типами склонения. Часть исконных основ на согласный переходит в гласный тип. В силу этого и русские существительные система не стремится четко распределить по существующим типам склонения, как в нанайском. Ключевым фактором оказывается наличие в самом ульчском языке поверхностной фонетической редукции, которая делает возможным сочетание согласного с аффиксом, характерным для основ на гласный (как в примерах (8), (9)). Это позволяет русским существительным на согласный встраиваться в класс основ на гласный, не получая дополнительного эпентетического гласного (как в нанайском), то есть образовывать особый словоизменительный подкласс, не подчиняющийся общим правилам. С другой стороны, в отличие от нанайского, в ульчском языке такие существительные никогда не включаются в класс основ на согласный. В самом ульчском он, видимо, оказывается для этого слишком малочисленным и неустойчивым, и даже русские основы на *-l* и *-n* не начинают вести себя по аналогии с исконными основами на эти согласные. Тут важно и то, что такая аналогия слабее, чем в нанайском, поддерживается формой номинатива: исконные ульчские основы на *-n* в номинативе оканчиваются на гласный, а основы на *-l* могут оканчиваться на *-ll* (см. раздел 3.2).

Таким образом, на первый взгляд не очень существенные различия в словоизменительной системе нанайского и ульчского языков, описанные в разделе 3.2, ведут к заметному различию в поведении русских существительных.

Еще одно различие между нанайским и ульчским языками, которое в принципе может быть релевантно для выбора стратегии адаптации русских заимствований, — различие в социолингвистической ситуации. Ульчское языковое сообщество находится на более поздней стадии языкового сдвига, чем нанайское (что, впрочем, верно не для всех нанайских сел). В этой ситуации можно было бы ожидать, что ульчская стратегия адаптации будет менее последовательной, чем нанайская, и в большей степени противоречащей исконной ульчской системе словоизменения. Второе отчасти верно, первое скорее нет: ульчская стратегия отличается от нанайской, но тоже вполне последовательна. Так что объяснение различия между нанайской и ульчской стратегиями адаптации существительных через различия в словоизменительных системах оказывается более убедительным и самодостаточным. С другой стороны, различия в словоизменительных системах отчасти, видимо, связаны с ситуацией языкового сдвига, так что косвенно социолингвистический фактор все же оказывается вовлечен.

Итак, тонкие особенности именного словоизменения в ульчском и нанайском влияют на выбор стратегии адаптации русских существительных. Но и сами русские существительные могут, в свою очередь, влиять на тунгусскую словоизменительную систему, особенно в ситуации языкового сдвига. Для нанайского языка, где русские заимствования жестко распределены по существующим словоизменительным типам, не противореча им, такого влияния не ожидается. В ульчском не так. Среди русских существительных на согласный, интегрируемых в ульчскую систему, есть довольно частотные: прежде всего, это обозначения мер (*час, метр*), названия русских/советских реалий (*колхоз, класс, интернат*), имена собственные (*Комсомольск*)²⁰. Их нестандартное поведение, возможно, дополнительно расшатывает в целом нестабильную ульчскую систему словоизменительных классов, поддерживая нестандартные формы исконных существительных типа приведенных в разделе 3.2.

В этой статье подробно обсуждалась адаптация русских существительных. Интересно, что в нанайском и ульчском языках очень по-разному ведут себя и русские глаголы. В нанайском используется стратегия т. н. непрямой вставки по [Wohlgemuth 2009]: русская глагольная основа оформляется нанайским вербализатором и только затем — нанайскими глагольными словоизменительными аффиксами (см. подробнее [Oskolskaya, Stoyanova 2013]), как в (33a), ср. также (28b) выше. В ульчском словоизменительные аффиксы непосредственно присоединяются к русской основе, иногда с некоторыми фонетическими изменениями, как в (33b), ср. также (25b) выше.

- (33) а. (= (17b)) пече-*m-bə-ni* жары-*la-go-o-ri*
 печень-STEM-ACC.C-3SG жарить-VBLZ-REP-IMPS-PRS
 ‘...печень жарят’. (нанайский, rchk_110807_ns_Jukola)

²⁰ Для слова *час*, к тому же, самая частотная форма — форма локатива (*час-la*), алломорфы которой в двух типах склонения отчетливо различаются.

b. *malta ulsə-wə-ni, simsə-wə-ni жарѹ-m*

дельфин мясо-ACC.V-3SG жир-ACC.V-3SG жарить-CVB.SIM.SG

‘Когда дельфинье мясо, жир жарят...’ (ульчский, mkd_20190714_nst_SluchajMamuLechilaShamanka)

Это очень похоже на то, что наблюдается в именной системе, и различия в ульчской и нанайской стратегиях, видимо, можно объяснить похожим образом: в ульчском языке сильнее фонетическая редукция и за счет этого, по крайней мере на поверхностном уровне, более разнообразен инвентарь возможных сочетаний звуков и менее отчетливы морфемные швы. Такая ситуация в большей степени располагает к прямым вставкам русского глагола.

Сокращения

Языки и диалекты

нан. — нанайский

русс. — русский

ульч. — ульчский

Глоссы

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо

ACC — аккузатив

ADV — адвербиализатор

ALTER — альтернатив (‘туда-сюда’)

C — алломорф для основ на согласный

CASE — падеж

CAUS — каузатив

COORD — сочинение

CVB — деепричастие

DAT — датив

DER — деривационный показатель

DEST — дестинатив

DIM — диминутив

EMPH — эмфаза

HAB — хабишуалис

IMP — императив

IMPS — имперсонал

INDEF — неопределенность

INS — инструменталис

IPFV — имперфектив

LAT — латив

LOC — локатив

MAT — деривационный суффикс со значением материала

MPURP — движение с целью

NEG — отрицание

NMLZ — номинализация

NOM — номинатив

NSIM — неодновременность

NUMBER — число

OBL — косвенный падеж

PL — множественное число

POSS — посессивный показатель

PROL — пролатив

PRS — настоящее время

PST — прошедшее время

PTCL — частица

PURP — целевая форма

Q — вопросительная частица

QUOT — цитатив

REFL — рефлексив

REP — рефактив

SG — единственное число

SIM — одновременность

STEM — часть основы

V — алломорф для основ на гласный

VBLZ — вербализатор

Общие

ед. ч. — единственное число

мн. ч. — множественное число

им. п. — именительный падеж

прош. вр. — прошедшее время

Литература

Аврорин 1959 — Аврорин В. А. Грамматика нанайского языка. Т. 1. М.—Л., 1959. {Avrorin V. A. A grammar of Nanai. Vol. 1. Moscow — Leningrad, 1959.}

Аврорин 1961 — Аврорин В. А. Грамматика нанайского языка. Т. 2. М.—Л., 1961. {Avrorin V. A. A grammar of Nanai. Vol. 2. Moscow — Leningrad, 1961.}

Аникин 2003 — Аникин А. Е. Этимологический словарь русских заимствований в языках Сибири. Новосибирск, 2003. {Anikin A. E. An etymological dictionary of Russian loanwords in the languages of Siberia. Novosibirsk, 2003.}

Герасимова 2002 — Герасимова А. Н. Нанайский и ульчский языки в России. Сравнительная характеристика социолингвистической ситуации // Языки коренных народов Сибири. 2002, 12. С. 246—257. {Gerasimova A. N.

Nanai and Ulch in Russia: a comparative characteristics of the sociolinguistic situation // Languages of indigenous peoples of Siberia. 2002, 12. P. 246—257.}

Калинина, Оскольская 2016 — *Калинина Е. Ю., Оскольская С. А.* Нанайский язык // *Михальченко В. Ю.* (Гл. ред.) Язык и общество. Энциклопедия. М., 2016. С. 293—296. {*Kalinina E. Ju., Oskolskaya S. A.* The Nanai language // Ed. *Mikhaljchenko V. Ju.* Language and Society. An encyclopedia. Moscow, 2016. P. 293—296.}

Оскольская 2015 — *Оскольская С. А.* Показатель «косвенных падежей» в нанайском языке // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований.* 2015, 11(2). С. 379—397. {*Oskolskaya S. A.* The oblique case marker in Nanai // *Acta Linguistica Petropolitana.* 2015, 11(2). P. 379—397.}

Оскольская, Стойнова 2019 — *Оскольская С. А., Стойнова Н. М.* Изменения именной парадигмы в ульчском языке в условиях языкового сдвига // *Урало-алтайские исследования.* 2019, 2(33). С. 66—82. {*Oskolskaya S. A., Stoynova N. M.* Changes in noun paradigm in Ulch in the situation of language shift // *Ural-Altaic Studies.* 2019, 2(33). P. 66—82.}

Петрова 1936 — *Петрова Т. И.* Ульчский диалект нанайского языка. М.—Л., 1936. {*Petrova T. I.* The Ulch dialect of Nanai. Moscow — Leningrad, 1936.}

ССТМЯ 1975 — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю / Отв. ред. *Цинциус В. И.* Л., 1975. {A comparative dictionary of Tungus-Manchu languages / Ed. *Tsintsius V. I.* Leningrad., 1975.}

Сумбатова, Гусев 2016 — *Сумбатова Н. Р., Гусев В. Ю.* Ульчский язык // *Михальченко В. Ю.* (Гл. ред.) Язык и общество. Энциклопедия. М., 2016. С. 513—515. {*Sumbatova N. R., Gusev V. Ju.* The Ulch language // Ed. *Mikhaljchenko V. Ju.* Language and Society. An encyclopedia. Moscow, 2016. P. 513—515.}

Суник 1985 — *Суник О. П.* Ульчский язык: исследования и материалы. Л., 1985. {*Sunik O. P.* The Ulch language. Studies and materials. Leningrad, 1985.}

Field 2002 — *Field F.* Linguistic borrowing in bilingual contexts. Amsterdam — Philadelphia, 2002.

Haspelmath 2009 — *Haspelmath M.* Lexical borrowing: Concepts and issues // *Haspelmath M., Tadmor U.* (Eds.) Loanwords in the World's Languages: A Comparative Handbook. Berlin, 2009. P. 35—54.

Haugen 1950 — *Haugen E.* The analysis of linguistic borrowing // *Language.* 1950, 26. P. 210—231.

Myers-Scotton 1992 — *Myers-Scotton C.* Comparing codeswitching and borrowing // *Journal of Multilingual & Multicultural Development.* 1992, 13(1—2). P. 19—39.

Myers-Scotton 1993 — *Myers-Scotton C.* Duelling languages: Grammatical structure in codeswitching. Oxford, 1993.

Myers-Scotton 2002 — *Myers-Scotton C.* Contact linguistics: Bilingual encounters and grammatical outcomes. Oxford, 2002.

Oskolskaya, Stoynova 2013 — *Oskolskaya S. A., Stoynova N. M.* The *la*-form: Russian verbs in Nanai speech // *Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics.* 2013, 4(2): Special issue “Areal linguistics, grammar and contacts”. P. 99—116.

Poplack 2012 — *Poplack Sh.* What does the Nonce Borrowing Hypothesis hypothesize? // *Bilingualism: Language and Cognition.* 2012, 15(3). P. 644—648.

Poplack 2018 — *Poplack Sh.* Borrowing: Loanwords in the speech community and in the grammar. Oxford, 2018.

Poplack et al. 1988 — *Poplack Sh., Sankoff D., Miller C.* The social correlates and linguistic processes of lexical borrowing and assimilation // *Linguistics.* 1988, 26(1). P. 47—104.

Poplack et al., в печати — *Poplack Sh., Robillard S., Dion N., Paolillo J. C.* Revisiting phonetic integration in bilingual borrowing // *Language*, 96(1), to appear.

Sankoff et al. 1990 — *Sankoff D., Poplack Sh., Vanniarajan S.* The case of the nonce loan in Tamil // *Language Variation and Change.* 1990, 2. P. 71—101.

WALS 2005 — *Haspelmath M., Dryer M. S., Gil D., Comrie B.* (Eds.) The World Atlas of Language Structures. Oxford etc., 2005.

Weinreich 1953/1979 — *Weinreich U.* Languages in Contact. Findings and Problems. The Hague etc., 1979 (1st ed.: New York, 1953).

Wohlgemuth 2009 — *Wohlgemuth J.* A Typology of Verbal Borrowings. Berlin, 2009.